

NEW STUDIES IN MODERN RUSSIAN
LITERATURE AND CULTURE

Ю. А.
Папуся.

ESSAYS IN HONOR OF
STANLEY J. RABINOWITZ

PART I

STANFORD SLAVIC STUDIES

Volume 45

**New Studies in Modern Russian
Literature and Culture**

Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz

Part I

Stanford, 2014

**New Studies in Modern Russian
Literature and Culture:**

ESSAYS in Honor of Stanley J. Rabinowitz

Part I

Edited by

Catherine Ciepiela
and
Lazar Fleishman

Stanford, 2014

Алексей Ремизов и его переводчики в Германии:

Архивные материалы (I)

Федор Поляков
Universität Wien

В предварительном обзоре немецкоязычных публикаций А.М. Ремизова, появившихся как в берлинский период его жизни, так и в довоенные парижские годы, мы касались и контактов писателя с некоторыми его переводчиками.¹ Одни из них были знакомы Ремизову еще по России (Артур Лютер, Йоганнес фон Гюнтер), с другими, помимо обоюдной профессиональной заинтересованности, происходило сближение и на почве историко-литературных интересов (Александр Элиасберг, Ганс Руофф), в ряде случаев, насколько можно судить, контакты исчерпывались перепиской, главным образом деловой. На основании представленной в указанной статье информации возникает некий общий фон отношений Ремизова с тем кругом лиц, который в свое время сыграл существенную роль для ознакомления немецкоязычного читателя с его творчеством. Однако такая информация оказывается недостаточна, чтобы определить, какие переводы были завершены, но по разным причинам остались неопубликованными, какие переводческие планы формулировались на различных этапах жизни текста, в каком направлении развивались представления самого Ремизова, а что предлагалось переводчиками или же совсем другой инстанцией – издателями, т.е. эта биографическая информация практически не отражает сведений о количестве и составе нереализованных

¹ Федор Поляков, «“Взаимное тяготение культур”. Заметки о немецкоязычной рецепции А.М. Ремизова в 1920-е – 1930-е годы», *Europa Orientalis* (Salerno), t. 22, 2014 (сборник статей в честь Antonella d’Amelia, под редакцией Cristiano Diddi и Daniela Rizzi; в печати). – Используемое нами ниже сокращение *Sin* с указанием номера относится к библиографии: Hélène Sinany. *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov*. Paris, 1978 (Bibliothèque russe de l’Institut d’études slaves, XLIV).

проектов в рамках весьма успешной по своим результатам немецкоязычной рецепции Ремизова. Сведения такого рода содержатся в переписке Ремизова, которая хранится в фонде Ремизова (Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers) в собрании Amherst Center for Russian Culture. Мы сердечно признательны создателю и spiritus rector архива, Stanley J. Rabinowitz, за поддержку нашей работы над этими материалами. В данную статью вошли свидетельства, в основном относящиеся к Мюнхену, Штуттгарту и к антропософским центрам в Швейцарии (Дорнах и Базель); материалы характеризуют деятельность Александра Элиасберга (Alexander Eliasberg), Феги Фриш (Fega Frisch), Гертруд Хан (Gertrud Hahn), Ганса Руоффа (Hans Ruoff), Вильгельма Рутенберга (Wilhelm Ruhtenberg), Рудольфа фон Шольца (Rudolf von Scholtz).

В общении переводчиков с писателем важное место занимал вопрос о том, насколько тот или другой текст подходит для определенной аудитории. Ремизову приходилось, как правило, снабжать их вышедшими в свет книгами, а в ряде случаев предоставлять и рукописные версии. Так, антропософский педагог Вильгельм Рутенберг (именовавший себя «Василий Тобиасович Рутенберг») – Box 4, folder 10, page 29) упоминает «две рукописи» (Box 4, folder 12, page 23; Дорнах, 30 июля 1927 г.) и рукопись рассказа «Венец» (Box 5, folder 1, page 33; 6 февраля 1928 г.). При подготовке к печати издания 1929 г., включавшего переводы Хан и Рутенберга, Гертруд Хан обращается к Ремизову (письмо из Дорнаха от 20 августа 1928): «Die goldene Kette я переводила по Вашей рукописи (и точно), а теперь, в Stella Maria Maris, вижу, Вы некот<орые> места изменили, напр<имер> конец „Солнца“».²

² Box 5, folder 2, page 98. Имеются ввиду издания: *Die goldene Kette: Weltpassionen. Altrussische Legenden nach Alexej Remisow. Übertragen und mit einem Nachwort versehen von Gertrud Hahn* (München, 1923); A. Remisov. *Stella Maria Maris. Russische Legenden. Übertragen von Gertrud Hahn und Wilhelm Ruhtenberg* (Stuttgart, 1929). Первая из указанных книг пользовалась спросом, поэтому одно время стоял вопрос о втором издании, однако Ремизов стремился расширить ее и найти другого издателя, в результате чего и произошло соединение уже опубликованных переводов Хан с более поздними Рутенберга. Об этой книге 1929 г. Рутенберг пишет 21 апреля 1931 г. (Box 6, folder 4, page 90): «Das Buch „Stella Maria Maris“ ist trotz seiner Schönheit wenig gekauft worden» («Книга „Stella Maria Maris“, несмотря на свою красоту, покупалась мало»). В письмах Рутенберга прощальствуют отрицательные замечания о переводах Хан: «Вчера мне удалось кончить перевод „Страды Богородицы“ <sic – Ф.П.; Sin 15/13> на

О самой переводчице Гертруд Хан (или Гертруда/Герта Ган, как она подписывалась) известно немного; несколько биографических деталей можно извлечь из ее переписки. Во-первых, представляется вероятным, что какое-то время она жила в России (т.е., иными словами, происходит оттуда и оказалась в Германии позднее). Вот два красноречивых контекста. Благодаря Ремизова за присылку очередной книги (1927, *Sin* 65), она пишет из Мюнхена 9 июня 1927 г.: «Большое Вам спасибо за книжку „Олю“ (уношуся ею опять в Россию)» (Box 4, folder 11, page 65). Задавая вопросы о некоторых именах, она замечает по поводу традиционных народных наименований: «Задушница когда, и когда Зеленая Неделя? (Я тут совсем русский календарь забываю)» (Box 3, folder 8, page 20, письмо из Мюнхена от 27 марта <1923 г.>).

Далее, Хан была связана с антропософскими кругами в Дорнахе, куда она переехала из Мюнхена 1 февраля 1928 г. (Box 5, folder 1, page 117), занималась также книжной графикой, рисунком и ваянием (ср. в письме из Дорнаха от 25 октября 1934 г., Box 7, folder 2, page 248): «я сама тоже перебиваюсь кое как редкими заказами на скульптуры и курсами»). Ее контакты с Ремизовым относятся к 1922 г. (не позднее лета, в связи с поездкой в Брайтбрунн, см. ниже); ср. в ее письме из Дорнаха от 22 ноября 1934 г.: «Я помню, что тогда в Мюнхене, после его <Александра Блока – Ф.П.> смерти, я прочитала Вашу „память“ о нем и тогда Вам написала, кажется, впервые».³ Спрашивая у Ремизова, нет ли в его распоряжении текстов Блока, которого она также предполагала переводить, Хан вскользь упоминает свою встречу с Блоком, которая могла состояться после апреля 1918 г.: «у меня только несколько стихотв<орений> из сборника и № 1 „Скифов“, кот<орый> он сам мне подарил в Петербурге».⁴

немецкий язык. Маргарита Васильевна <Сабашникова – Ф.П.> – как мне кажется – довольна переводом. Я старался передать по-немецки то чувство, которое оживляется в душе читателя при чтении русского текста. Это мне было важно. К этому (по моему мнению) г<оспо>жа Ган не способна» (Box 4, folder 10, page 29, письмо из Штуттгарта от 12 октября 1926 г.).

³ Box 7, folder 2, page 250. Имеется ввиду очерк «К звездам», который был опубликован в нескольких местах в 1922 г.: А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Т. 7. *Ахру* (Москва: Русская книга, 2002), стр. 503.

⁴ Box 4, folder 11, page 65 (письмо из Мюнхена 9 июня 1927 г.). Ссылка на «№ 1 „Скифов“» относится к публикации стихотворения Блока в изда-

По получении экземпляра «Взвихренной Руси» (*Sin* 64) в 1927 г. Хан собиралась приступить к ее переводу, однако судя по переписке, которая велась и в 1928 г., работа не вышла за пределы нескольких начальных глав.⁵ Эти главы были предложены в газету *Frankfurter Zeitung*, но из редакции не поступало никаких известий, присланный текст был даже потерян и Ремизов, по-видимому, просил Льва Шестова о содействии в продвижении публикации, однако безуспешно. Такая же участь постигла и более раннюю попытку Хан:

Затем долго не занималась переводом, а теперь осенью взялась за дело и перевела почти весь «Посолонь», кое-что из «Море-Океана» и почти половину «Сказок русского народа» и из всего составила один томик, но издателя пока еще не нашла, теперь с русскими переводами не очень важно.⁶

Тематически такой (неосуществленный) сборник, как мы видим, объединял сказку с христианской легендой и мог представлять значительный интерес для антропософской образовательной программы. Об этом сохранилось свидетельство Рутенберга в связи с выходом его перевода рассказа «Никола милостивый»:

Fräulein Dr. Caroline von Heydebrandt <sic – Ф.П.> ныне составляет для младших классов нашего училища (Waldorfschule) книжку для чтения (Lesebuch) в роде первой хрестоматии для учеников. Она припомнила, что Dr. Steiner несколько лет тому назад дал ей совет в такой книге поместить рассказы о том, как Спаситель наш ходит по земле и

нии: *Наш путь. Апрель 1918. Литературно-политический журнал нового социализма*. Под ред. Р.В. Иванова-Разумника, Б.Д. Камкова, С.Д. Мстиславского (Петроград), 1918, №1. Наряду со стихотворениями Блока Хан переводила Андрея Белого: «у меня кроме нескольких стихов из сборника и отрывка из романа „Петербург“ нет ничего Белого» (Box 4, folder 11, page 4; письмо из Мюнхена от 14 февраля <1927>). Возможно, она встречалась и с Белым, и этим, как и статусом Белого в антропософском кругу, объясняется ее просьба: «Я послала к Вам знакомую барышню, интересующуюся русскими в Берлине. Если придет, познакомьте ее с Белым» (Box 3, folder 1, page 45; открытка от 22 июля 1923 г.).

⁵ Впоследствии к переводу того же произведения обращался и Ганс Рюфф, обсуждавший этот замысел с Ремизовым в Париже (Box 5, folder 7, page 18; открытка от 14 ноября 1929 г.).

⁶ Box 4, folder 2, page 26 (письмо от 13 ноября 1925 г. из Kufstein/Tirol).

встречается с людьми итд. Когда она получила теперь новейшую тетрадь „Die Drei“, она пришла ко мне и решительно сказала, что она от всего сердца хочет внести этот рассказ в *Lesebuch der Waldorfschule*. Fr<au>|<ein> v<on> Heydebrandt составляет эту книгу для употребления у нас в нашей школе, но, конечно, когда выйдет книжка, другие учителя и училища тоже заинтересуются, так как Waldorf-училищем интересуются люди даже в Австралии и Новой Зеландии.⁷

После выхода в свет перевода «Златой цепи» (1923 г.; *Sin 91*) Хан поддерживала среди антропософов интерес к литературным агиографическим обработкам Ремизова:

О «Страстях мира» <подзаголовок книги *Sin 91* «*Weltpassionen*» – Ф.П.> все еще получаю хорошие отзывы, недавно мне рассказывал один молодой художник-скульптор из Штутгарта, что у них составилась целый кружок мол<одых> людей, очень подружившихся именно на основании этой книжки, и из новых «сказок», хотя они еще не напечатаны, я тоже некоторые уже читала в кружке молодежи и все очень просят читать еще.⁸

Связи в кругах последователей Рудольфа Штейнера давали возможность и Рутенбергу, и Хан способствовать напечатанию переводов Ремизова в антропософских периодических изданиях. Рутенберг обращался главным образом в ежемесячник *Die Drei* (Stuttgart), который выпускал его друг, музыковед Dr. Erich Schwebsch (1889–1953), Хан несколько раз упоминает два издания – журнал *Individualität* (Zürich – Wien – Leipzig) и свои контакты, письменные и личные, с Dr. Fried (т.е. с известной писательницей Anne Fried, 1903–1998), а также *Neue Schweizer Rundschau* (Zürich) и его главного редактора Max Rychner (1897–1965).⁹ В связи появлением в

⁷ Вох 4, folder 11, page 46 (письмо из Штуттгарта от 10 мая 1927 г.). В письме упоминается одна из главных вдохновителей антропософской педагогики Caroline von Heydebrand und der Lasa (1886–1938), составитель хрестоматии *Der Sonne Licht. Lesebuch der freien Waldorfschule für das zweite und dritte Schuljahr* (Stuttgart, 1928) (18-ое издание вышло там же в 2011 г.). В написании имени своей коллеги Рутенберг допускает неточность («Heydebrandt»); речь идет о переводе рассказа *Sin 23/12* и его публикации.

⁸ Вох 4, folder 2, page 26 (письмо от 13 ноября 1925 г. из Kufstein/Tirol).

⁹ Christof Wiechert, «Erich Schwebsch», in: <http://biographien.kulturimpuls.org/detail.php?&id=660>; Ralf Lienhard (Hrsg.). *Der Kreis der 'Individualität'*:

печати переводов Ремизов пишет 18 мая 1925 г. редактору парижского *Звена* Михаилу Кантору:

Сейчас по-немецки много переводят (небольшие рассказы). Мне кажется следовало бы (и вовсе не для рекламы) зарегистрировать переводы русских на иностр<анный> язык. Это очень важно для книжников. Если редак<ция> „Звена“ находит это ненужным, Вы мне скажите.

а затем, в письме от 30 декабря 1926 г., напоминает ему о просьбе поместить следующее объявление:

Швейцария

В Базеле начал выходить новый журнал „*Individualität*“ (философия и искусство), под редакцией Вилли Шторрера и Ганса Рейнгарта. Verlag für freies Geistesleben (Basel). Из русских участвует А. Ремизов.¹⁰

Итак, попытки пристроить переводы, несмотря на наличие действующих контактов и благожелательного отношения к Ремизову со стороны антропософов, не всегда бывали успешными. То же выясняется и по отношению к книгам и сборникам рассказов. Закончив перевод книги «Звенигород окликанный» (1924 г.; *Sin* 62), Рутенберг не смог сразу найти заинтересованного издателя (ср. в письме из Ганновера от 24 октября 1929 г.: «трудно найти издательство»; *Vox* 5, folder 6, page 65), мюнхенское издательство Paul Stangl Verlag еще в 1931 г. долго не давало ответа (*Vox* 6, folder 4, page 90; открытка от 21 апреля 1931 г.), в конце концов книга в предложенном виде не вышла. Сходным образом обстояло дело и

Willy Storrer im Briefwechsel mit Oskar Schlemmer, Hermann Hesse, Robert Walser und anderen (Bern, 2003) (*Schweizer Texte*, N.F. 21); Roman Bucheli, „Rychner, Max“, in: *Neue Deutsche Biographie* 22 (2005), SS. 309–310; Rätus Luck, «Neue Schweizer Rundschau», in: *Historisches Lexikon der Schweiz* (<http://www.hls-dhs-dss.ch/textes/d/D24579.php>). – В Амхерсте сохранились несколько писем Anne Fried, как под девичьей фамилией Dr. Anny Politzer, так и в форме Dr. Anny Fried. Ее муж, венгерский художник Theodor Fried (1902–1980), жил тогда в Boulogne sur Seine. Помимо вопросов о гонорах и сроках выхода переводов в *Individualität* речь в них идет о просьбах к Ремизову прислать адреса Льва Шестова и Андрея Белого, а также о встрече с ним и Владимиром Диксоном в Париже (например, *Vox* 4, folder 12, page 4; 18 июня 1927 г.).

¹⁰ Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers. *Vox* 93, folder 30. Подчеркнуты слова, выделенные Ремизовым красными чернилами.

с книгой «Три серпа» (1927 г.; *Sin* 68–69), переведенной Рутенбергом, так что он имел все основания написать Ремизову 6 февраля 1930 г.: «В Германии сейчас весьма трудно издать „Русское“» (Box 6, folder 1, page 20).

В переписке Амхерстского архива сохранились свидетельства обращения переводчиков к Ремизову с вопросами по поводу отдельных слов, выражений, понятий или персонажей. В таких объяснениях порой нуждался даже очень искушенный Элиасберг (эта часть переписки находится в Праге; ее издание подготавливается Любовью Белошевой (†) и Аллой Грачевой). Руюффу, покинувшему Москву с началом Первой мировой войны, было, например, не понятно, что означает первый компонент в формуле *полпред Обезвельволтала*. Рутенберг (Box 5, folder 2, page 43; письмо из Штуттгарта от 4 июля 1928 г.) спрашивал совета в связи с выражениями *мытарские мечи, по зяблым овсам, бучило злое море, боярышник*; при переводе из книги «По карнизам» (ср. Box 5, folder 7, page 61, в открытке из Ганновера от 13 декабря 1929 г.: «Сегодня я надеюсь окончить перевод „Карниз“»; в полном виде не опубликован) – *пять бубликов, чурка* (Box 5, folder 7, page 44; письмо от 28 февраля 1929 г.), затем (Box 5, folder 7, page 20; письмо от 6 ноября 1929 г.) – *колевертьши, треххвостка, гречник*, а в открытке из Дорнаха от 30 июля 1927 г. (Box 4, folder 12, page 23) осведомлялся и о *Ремез-птице*. Различные вопросы по содержанию или источникам ремизовских рассказов встречаются у Хан (например, «Корочун (что за существо?) ... Алалей и Лейла (имена Вами выдуманные или тоже народные?)»; Box 3, folder 8, page 20, письмо из Мюнхена от 27 марта <1923 г.>), поскольку, по ее справедливому замечанию, «[з]апутываешься иногда в многочисленности всяких там ведьм, уродов, ужасов лесных и т.п.» (*ibid.*). Не всем русскоговорящим уроженцам России с родным немецким языком и литературным образованием удавалось подойти к текстам Ремизова. Балтийский знакомец Йоганнеса фон Гюнтера, литератор и художник из Курляндии Герберт Рудольфович фон Гернер (Herbert von Hoerner, 1884–1950), умерший в тюремном заключении в Torgau (ГДР), писал Ремизову из Görlitz 25 июля 1923 г.:

<...> из моих намерений насчет Ваших произведений ничего не выйдет. Разные есть причины, почему не решаюсь перевести Вас, а главная причина, по откровенности, та: что мне слишком трудно. Не хватает у меня знания языка, особенно древнего русского языка. Так

что напрасно Вас беспокоил. Однакож я рад, что по этому поводу познакомился с Вами и с Вашими произведениями, которые я очень высоко ценю.¹¹

Ремизовский орнаментальный стиль, сочетание игровых и архаических элементов в оформлении письма, нередко даже делового характера, несомненно, воздействовал на воображение переводчиков. Многие из числа тех, кто имел отношение к публикациям переводов Ремизова, оказались принятыми в Обезвельволпал и, следовательно, получили грамоты – уникальные воплощения такой концепции письменного знака.¹² При этом интересны ответные попытки корреспондентов прибегнуть к стилизованному архаическому письму (славянскому, латинскому, древнееврейскому) в своих эпистолярных сношениях с писателем. Ремизовскую эстетику почерка, украшения, оформления частного письма перенял, например, Александр Элиасберг. Сообщая 24 июля 1922 г. А.М. и С.П. Ремизовым о поезде из Oberammergau, «по окончании действия», т.е. театрализованного представления Страстей Христовых (Oberammergauer Passionsspiele), в Schondorf am Ammersee, «где Вы будете встречены на вокзале и препровождены под некий кров» (вероятно, расквартированы в пансионе в Брайтбрунне, курортном месте на противоположном берегу озера, где останавливались Александр Элиасберг и его жена, художница Зинаида Элиасберг-Васильева), Элиасберг использует стилизованную под церковнославянскую рукопись графику, с соответствующей орфографией, раскрашивает красным цветом инициалы, украшает элементы шрифта значками, а в конце письма помещает искусную композицию (Box 20, folder 2, page 29). На основании этого письма подтверждается дата путешествия Ремизовых в Баварию (Андрей Белый, называя в

¹¹ Box 3, folder 1, page 47. – См. о нем подробнее: Eckhard Schulz, „Hoerner, Herbert von“, in: *Neue Deutsche Biographie* 9 (1972), S. 357 f. Ср. также: Федор Поляков, «Автографы Михаила Кузмина в альбомах И. фон Гюнтера и Р. фон Вальтера», in: Nikolay Bogomolov, Lazar Fleishman, Aleksandr Lavrov, and Fedor Poljakov (eds.), *Параболы. Studies in Russian Modernist Literature and Culture. In Honor of John E. Malmstad* (Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011), стр. 123–151, особ. стр. 128–129 (*Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe*, 7).

¹² См., например, упоминания переводчиков и редакторов различных периодических изданий в кн.: Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах* (С.-Петербург: Изд. Ивана Лимбаха, 2001), стр. 351, 367–369.

«Воспоминаниях о Штейнере» 1923 г., допустил неточность); на следующий год около того же времени, 22 июля (почтовый штемпель на открытке), Гертруд Хан спрашивает его: «Не будете ли Вы опять в Мюнхене летом или осенью?» (Vox 3, folder 1, page 45). К тому же путешествию и отдыху Ремизовых на Аммерском озере относится и следующее упоминание в открытке мюнхенского издателя Владимира Клейна (Woldemar Klein) от 5 августа 1923 г.: «Уехал теперь немного отдохнуть на Ammersee (который Вы тоже ведь знаете)». ¹³ Здесь же Ремизов встречался с Фегой Фриш, как выясняется из ее более позднего письма (Мюнхен, 1 июня 1924 г.):

<...> Относительно «Рва львиного» сообщение Ruoff'a к сожалению ошибочно. Фишер, с кот<орым> я осенью лично говорила, сказал мне, что у него уже есть Ваша книга «В поле блакитном» (перевод, кот<орый> я нахожу очень хорошим) и поэтому он второй не может издать. Тот же ответ получила от «Drei Masken Verlag» и от «Kurt Wolf Verlag». <...> Право не знаю, что делать дальше. Впрочем я это немного предвидела и помн<ится> еще в Breitbrunn'e сказала, что трудно будет найти издательство, если сразу выйдет несколько книг Ваших. Но издательское дело вообще теперь находится в застое, может быть через некоторое время положение улучшится. <...>¹⁴

Впечатления от пребывания в Баварии вошли в книгу Ремизова *По карнизам* (Белград, 1929). В письме к Ремизову от 6 ноября 1929 г. Рутенберг, сообщая о своей работе («Теперь я сижу над переводом „По карнизам“». Перевел пока 30 страниц»; этот за-

¹³ Vox 3, folder 1, page 64. – Вольдемар Клейн (1892–1960), родители которого происходили из Берлина, родился и вырос в С.-Петербурге; закончив с отличием Petri-Schule, он получил инженерное образование и докторскую степень в Техническом университете в Карлсруэ, затем некоторое время преподавал высшую математику, после начала Первой мировой войны был призван в германскую армию, впоследствии, обосновавшись в Мюнхене, получил известность как издатель, привлекая к сотрудничеству таких переводчиков как Артур Лютер и Александр Элиасберг. См. подробнее: Jonas Jakob Leis, «Der Verleger Woldemar Klein. Die Münchner Jahre», *Imprimatur. Ein Jahrbuch für Bücherfreunde*, N.F. XX (2007), S. 260–276.

¹⁴ Vox 4, folder 1, page 90. – Неточная информация Ганса Руоффа содержится в его письме от 9 мая 1925 г.: «„Львиный ров“ в переводе госпожи Ф. Фриш лежит (в рукописи) в издательстве S. Fischer в Берлине» (Vox 4, folder 1, page 14). Далее Фега Фриш упоминает перевод, вышедший в издательстве S. Fischer (*Sin 94*): Alexei Remisow. *In blauem Felde*. Berechtigte Übersetzung aus dem Russischen von Käthe Rosenberg (Berlin, 1924).

мысел, как мы упоминали выше, не получил завершения), присокупляет биографическую деталь, вызванную агиографической легендой Ремизова:

В Kloster Andex <sic – Ф.П.> в 1922ом году поставил свечу – благодарность за освобождение мое из советской власти. Был у меня тайный обет такой: если благополучно выберусь – так обязательно поставлю поставлю свечу. Долго я не нашел церкви, где можно было поставить. Наконец, в Andexe – и поставил свечу, довольно большую. Хотя это тут и не православная церковь, – да и где найти в южной Германии православной церкви – но все-таки поставил – исполнил свой обет. В то время я еще не знал о Николе; а кажется был и у него.¹⁵

В связи с ремизовской эстетикой письма можно упомянуть о предложении, которое исходило от издателя Вольдемара Клейна (письмо из Мюнхена 15 сентября 1923 г.):

<...> Вашу рукопись «Страды мира» я передал в Вашей квартире. Насчет этой книги, которая мне как-то особенно понравилась, у меня к Вам следующее предложение. Взались бы Вы переписать ее постепенно Вашим каллиграфическим почерком с инициалами. Я бы воспроизвел всю книгу в ограниченном количестве 300 – 400 пронумерованных экземпляров на хорошей бумаге. Можно было бы перед каждой новой главой оставить свободное место для заставки, которую мог бы сделать Масютин в стиле Вашего письма. – Таким образом получится очень красивая книга, которая несомненно будет иметь большой успех.¹⁶

Итак, в условиях послевоенной инфляционной Германии, приведших к падению цен на типографские работы и к небывалому расцвету книжного дела, Клейн имел намерение выпускать не только переводы, но, как мы показали в другом месте, и русские оригиналы, а также библиофильские факсимильные издания. Вскоре, однако, обстоятельства изменились. Эти перемены касались как экономического положения в стране, так и насыщения книжного рынка русской тематикой. К тому же здоровье самого изда-

¹⁵ Box 5, folder 7, page 20. В июле 1919 г. Рутенбергу, уроженцу Риги, скрывавшемуся после вступления Красной армии в Латвию, удалось достичь Любека и в Штуттгарте воссоединиться с женой и двумя детьми.

¹⁶ Box 3, folder 1, page 109. О контактах Василия Масютина с Ремизовым и о его сотрудничестве с Клейном см.: Waltraud Werner. *Wassili Masjutin 1884–1955. Ein russischer Künstler 1922–1955 in Berlin* (Berlin, 2003).

теля ухудшилось, и ему пришлось покинуть Мюнхен и переехать на швейцарский юг, в Locarno-Monti (где, кстати, жил в то время Лев Кобылинский-Эллис). В письме к Ремизову от 22 декабря 1925 г. (с адресом отправителя: «Monti sopra Locarno, Villa Eugenia») Клейн упоминает, что он находится «вот уже год с четвертью как вне Мюнхена. В сентябре прошлого года серьезно заболел легкими <...> Вот сижу (т.е. правильнее лежу) здесь теперь уже три недели. <...> Похожая участь постигла и Вашу „Бедовую долю“. И она все еще лежит. За это время издательское дело постепенно изменилось к худшему, <так> что и мы принуждены были сократить нашу деятельность».¹⁷ Конечно, на особенности развития издательского дела приходилось реагировать и раньше (например, как мы видели из письма Феги Фриш, при всей симпатии к Ремизову издательство Drei-Masken-Verlag не стремилось принять к печати вторую книгу того же автора), но такое усугубление обстоятельств потребовало более обширной реорганизации, о чем упоминает Ганс Руофф в письме из Мюнхена от 17 декабря 1924 г.: «Издательство Orchis соединилось с тремя другими изд<ательствами> и называется теперь Allgemeine Verlagsanstalt (Leopoldstr. <3>). В издательстве Drei Masken Verlag я иногда бываю, готов навести для Вас требуемые справки о „Русских женщинах“. <...>» (Box 3, folder 13, page 12). Последнее замечание относится, как можно предположить, к нереализованному плану Клейна выпустить *русское* издание этой книги в Мюнхене, наряду с переводом Александра Элиасберга, который вышел в Drei-Masken-Verlag в 1923 г. Другой замысел Ремизова выясняется из того же письма Руоффа:

С Вашими предложениями относительно «книги для детей» и перевода трудных рассказов я принципиально вполне согласен; но к сожалению в настоящее время очень и очень приходится считаться с условиями германского книж<ного> рынка. В области беллетристики теперь большой спрос на «толстые романы» и на совсем короткие рассказы для журналов – объемом не более 1 печ<атного> листа. Издатели решительно отклоняют книги, составленные из нескольких рассказов. Исключением является только издательство Georg Müller в Мюнхене, кот<орое> наметило издание нескольких томов русских современных писателей. Я предложил этому издательству подобрать из Ваших про-

¹⁷ Box 4, folder 2, page 44. В письме также упоминаются Ларионовы, т.е. Наталья Гончарова и Михаил Ларионов, общие знакомые Ремизова и Клейна.

изведений несколько рассказов и составить книгу приблизительно в 20 печ<атных> листов (в первый том этой серии войдут рассказы И. Шмелева, кроме того намечен том рассказов Бунина). Состоится ли это предприятие – вопрос первых месяцев след<ующего> года. Тогда можно будет об этом списаться. <...>

Серия такого состава в этом мюнхенском издательстве в ту пору не могла быть реализована. Отметим упоминание «книги для детей» – к этой тематике Ремизов обращается в начале 1920-х годов неоднократно, что выясняется и по письмам Хан. В них встречается и название предполагаемого сборника – «Поигрунки». Просматривая присланный ей Ремизовым сборник «Сказки русского народа» (1923 г.; *Sin* 61), Хан считает, что в нем «Почти все подходит к Поигрункам» (Box 3, folder 8, page 20, письмо из Мюнхена от 27 марта <1923 г.>), например, рассказ «Христов крестник» (*Sin* 61/2). Однако ни этот сборник (кроме отдельных рассказов в журнале *Individualität*), ни книгу, предлагаемую самой Хан (*ibid.*): «Итак, беру что есть и составляю сборник *Frühlingserde* – Земля весенняя. Войдут игры и сказки», опубликовать не удалось.

Интересен эпизод баварского сотрудничества Ремизова, до сих пор оставшийся в тени – его контакты с Рудольфом фон Шольцем (Rudolf von Scholtz, 1890 Wiesbaden – 1956 München), переводчиком, писателем, политиком (поскольку Шольц избежал сотрудничества с национал-социалистическим режимом, американские военные власти назначили его в 1945 г. обербюргермейстером Пассау, а в 1947 г. первым директором радиостанции «Radio München»). Впоследствии Шольц возглавлял федеральную радиотелевизионную компанию «Bayerischer Rundfunk». Хотя он сам родился в Германии, заканчивал гимназию в Веймаре и учился в Лейпциге и Мюнхене, а затем как офицер войск связи участвовал в войне (после ранения в Польше был с 1916 г. переводчиком с русского при Верховном командовании в Берлине), однако и его предки, и частично он сам был связан с Петербургом. В Петербурге Шольц с 1901 по 1905 г. посещал начальную школу; его отец Вильгельм был придворным врачом и акушером, а дед, August Wilhelm (Василий Богданович, 1798–1860), также акушер, получил известность как первый из врачей, осматривавший Пушкина после дуэльного ранения и составивший записку о его последних

днях.¹⁸ Знакомство Шольца с Ремизовым могло состояться, при посредничестве Элиасберга при следующих обстоятельствах. С 1920 по 1924 г. Шольц жил в местечке Ридерау (Riederau) на Америкском озере, где Ремизов побывал в 1922 г. (см. выше) и которое упоминается в книге «По карнизам»; тогда же он работал редактором в мюнхенском издательстве Drei-Masken-Verlag. Здесь, скорее всего, и произошло их личное знакомство. В 1924 г. Шольц уезжает в Финляндию, на озеро Сайма, где остается до 1926 г., занимаясь с друзьями на хуторе сельским хозяйством и продолжая свою литературную деятельность. В Мюнхен его приглашают на радио в должности редактора *Bayerische Radio-Zeitung*, и по его первому письму к Ремизову от 10 февраля 1927 г. видно, что они были связаны предшествующим личным знакомством: «Со мной произошли большие перемены. Пришлось вдруг осенью покинуть все в Финляндии и переехать обратно в Мюнхен. Нашлось не дурное место, работы слишком, но и зарабатываю не дурно. Только писать время не остается, по крайней мере не на то, что хочется. Состою редактором еженедельной газеты. Порядочная дрянь – программа-газета здешнего радио, с картинками <...>» (Box 4, folder 11, page 9).

Несмотря на свои новые обязанности, в 1928 г. Шольц все-таки берется за перевод Ремизова – можно предположить, что в его планы входят несколько текстов, которые были впоследствии Ремизовым объединены в книгу *По карнизам* (1929; *Sin* 67). В начале года он сообщает, что «издательство Georg Müller интересуется Вашим романом *Esprit etc.* и вероятно даст мне перевести его» (Box 5, folder 1, page 8; письмо из Мюнхена от 2 января 1928 г.); здесь упомянут рассказ «*Esprit*» (переведенный в том же 1928 г. Гертруд Хан, *Sin* 67/2; перевод был готов в начале 1928 г. [Box 5, folder 1, page 21; открытка Хан из Мюнхена от 10 января 1928 г.]). В письме Шольца от 8 марта 1928 г. назван и другой рассказ, также вошедший в книгу *По карнизам*, а именно: «*La Matière* почти все переведено (кроме вставленных сказок), на будущей неделе передам Müller'у» (Box 5, folder 1, page 60; данные о тексте см.: *Sin* 67/3). Выбор текста обоснован так: «Выбрал „*La Matière*“ в образцы, потому что ближе всего оно понятию „литература“»

¹⁸ Albert Scharf, «Scholtz, Rudolf von», in: *Neue Deutsche Biographie* 23 (2007), SS. 448–449; ср. также: Л.А. Черейский. *Пушкин и его окружение*. Изд. 2-е, доп. и перераб. (Ленинград: Наука, 1988), стр. 503.

(*ibid.*), процесс работы над переводом документирован многочисленными вопросами (Box 5, folder 1, page 71; письмо из Мюнхена от 12 марта 1928 г.). В конце того же года (Box 5, folder 1, page 50; 18 декабря 1928 г.; Box 5, folder 3, page 60; 23 декабря 1928 г.) Шольц упоминает об их встрече в Париже и рекомендует свою подругу Edith Grote (Эдит Эрнестовну). Но его перевод к этому времени еще не готов, и 6 мая 1929 г. он собирается отправить его в Швейцарию (Box 5, folder 5, page 13). Это дает основания предполагать, что к тому времени план публикации в Мюнхене был уже оставлен. Ремизов дорожил контактами с Шольцем и после возникновения проволочек просил Гертруд Хан о личном разговоре с ним (о чем Хан сообщает в открытке от 3 июня 1927 г. [Box 4, folder 11, page 61]). При этом Хан упоминает, что Шольц «охотно возьмет еще из Ваших вещей и оставил у себя несколько из моих переводов», однако впоследствии он стал отказываться от рассказов с преобладанием религиозной тематики (Box 4, folder 12, page 46), т.е. именно тех, которые Хан предпочитала. Впрочем, возможно, что Шольцу удалось включить какой-либо текст Ремизова в свою программу, как он намеревался в письме от 2 января 1928 г.: «Стараюсь прочесть перевод скаски <sic – Ф.П.> в здешнем Радио, но перевод еще не кончил» (Box 5, folder 1, page 8).

Значение представленных здесь материалов не исчерпывается, как мы полагаем, вопросами перевода, однако даже краткий обзор дает представление о массиве нереализованных переводческих планов и этапах взаимоотношений с издателями. Особо важным является перечень текстов, выбранных для перевода, переводимых или уже переведенных, не принятых к печати или не вышедших в предполагаемом виде. К таким неосуществленным проектам относятся, как мы видели, части «Взвихренной Руси», «Звенигорода окликанного», «Трех серпов», «По карнизам», а также несколько рассказов.